ВЕСНА

Весна разбросала звёзды, и день прибавился, как живот беременной женщины. Жизнь продолжается и наливается радостью, несмотря ни на что. Пятый год наши парни на ленточке, на переднем крае борьбы с фашизмом. Не хотел об этом писать, но разве можно обойти эту тему стороной? Мировое зло окружает нас чёрной тучей. Мировое зло жрёт нас изнутри. Храни, Господь, Державу Российскую.

Что будет завтра, никто не знает, один Бог ведает. Однако на земле всё идёт своим чередом: день прибавляет, птахи прилетают, снег тает с каждым новым днём, как мороженое, купола Троицкого монастыря всё так же поют на солнце. Лепота!

Поздней осенью и ранней зимой в округе пропали птицы, лишь голуби кое-где напоминали о присутствии братьев наших меньших. Не братьев по разуму, а меньших обитателей шарика под названием Земля. Быть может, и они скоро станут редкостью в наших краях. Дом птицы – дерево, а с деревьями в наших местах поступают, словно с немецкими рыцарями на том озере. Облысел наш край, похудел – ровно на количество спиленных берёз, тополей и прочих. Здесь даже дуб-дубосвет не котируется, проживи он хоть сто или двести лет. По правде сказать, дерева в некоторых местах подсажены, но я их, видать, не увижу в расцвете сил и гибкости. Я ж не дуб какой – по двести лет маяться. А что? Столько жить – врагу не пожелаешь.

Весна есть весна, и настроение всё равно прёт и вырывается наружу улыбкой и добрыми строчками. Можно брать это настроение ухватом и разливать по алюминиевым плошкам. Размяк!

Скоро нагрянут ласточки, во всяком случае, должны нагрянуть: почка пойдёт в лист, а берёза – в сок. Несмотря на всю нескладность этого мира и его бренность, ощущаешь себя частичкой всей этой кутерьмы под названием Природа.

Да, ледок ещё барагозит по обочинам, сбивая спешащего путника в кювет. А он, бедолага, несмотря ни на что, чтобы не замочить ноги, прыгает по этим гребням, как сайгак или заяц. Воздух чист и заборист. Если пройти пёхом километров двадцать, то можно лёгкие обновить процентов на десять. Ты идёшь такой счастливый, как по тундре, а машины мимо шныряют и рыдают по твою, как им кажется, забытую душу. Наверное, думают водилы, а половина из них – женщины, что есть на свете чудаки, которые на своих двоих перемещаются? И невдомёк этим гонщикам, что это не они меня обогнали, а я их. Ведь скорость в моих жилах и венах увеличивается пропорционально пройденному пути.

Весна-красна
Съела грустные краски.
В небе запах любви
И божественной Пасхи.
Ледок-старичок
Без удержу плачет:
По его бороде
Солнце зайчиком скачет.
Грачи-лихачи
Шалят над полями.
Да орлы-мужичи
Их гоняют граблями.

Весна! Мысль бьёт ключом, и ты её пытаешься оживить с помощью карандаша и бумаги. «Только бы не это!» «Не это» – это стихи, жало которых ты загоняешь вглубь, туда – в углы рёбер и черепа. Довольно! Стихи – удел молодых. Опять же, в последнее время всё больше акростихом выражаюсь на смерть того или иного приятеля. Нет, уж, хватит! Проза моя идёт потоком, и я это чувствую своими коленями, когда иду туда-сюда свой километраж. Остаётся сесть и написать, выдать на-гора или куда там ещё. Тем полно, куда ни кинь глаз, везде найдётся интересный очерк или рассказ. Сгустки судьбы! Как их ухватить в свой карандаш – это извечный вопрос. А если не ухватишь, то и браться нечего – бумагу марать. Главное, чтобы «Хэнк» не приходил. «Хэнк» – это такое состояние души, когда на многое становится наплевать. Можно таких дел нагородить, что придётся расхлёбывать лет триста. Как-то так…

Весна, ребята… Весна!